

Любимый детектив
Английской королевы

Перри – царствующая королева викторианского детектива.

People

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое убийство вкупе с постыдным социальным казусом – и она напишет такой викторианский детектив, которому позавидовал бы сам Диккенс.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан Дойля может так красочно воспроизвести атмосферу викторианского Лондона, так точно прорисовать его детали и воссоздать настроение той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Эш Перри, вы можете смело рассчитывать на то, что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Серия о Шарлотте и Томасе Питт

Призрак с Кейтер-стрит
Находка на Калландер-сквер
Туман над Парагон-уок
Воскрешение на Ресуррекшн-роу
Вор с Рутленд-плейс
Утопленник из Блюгейт-филдс
Смерть в Поместье Дьявола
Натюрморт из Кардингтон-кресент
Тишина в Хановер-клоуз
Казнь на Вестминстерском мосту
Пожар на Хайгейт-райз
Скандал на Белгрейв-сквер
Невидимка с Фэрриерс-лейн
Палач из Гайд-парка
Врата изменников
Душитель из Пентекост-элли
Бомба в Эшворд-холле
Реквием в Брансвик-гарденс
Покойник с площади Бедфорда
Улица Полумесяца
Заговор в Уайтчепеле

Серия об инспекторе Монке

Чужое лицо
Опасная скорбь
Предательство по любви
Смерть внезапна и страшна
Грехи волка
Брат мой Каин
Смертная чаша весов

Энн
Терри

Заговор
в Уайтчепеле

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Anne Perry

THE WHITECHAPEL CONSPIRACY

Copyright © 2001 by Anne Perry

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Перри, Энн.

П27 Заговор в Уайтчепеле / Энн Перри ; [пер. с англ. Г. В. Сахацкого]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Любимый детектив английской королевы).

ISBN 978-5-699-90958-2

Весь Лондон потрясло нашумевшее убийство видного публициста Феттерса, застреленного его ближайшим другом, известным политиком. Расследование поручили суперинтенданту столичной полиции Томасу Питту. Именно на основании его показаний в суде присяжные вынесли вердикт «виновен», хотя ни одной прямой улики против обвиняемого не нашлось. Убийцу казнили, но у него осталось много влиятельных друзей. Они отомстили Питту — сместили с высокой должности и отправили следить за порядком в один из самых неблагополучных лондонских районов — Уайтчепел, где всего четыре года назад свирепствовал Джек Потрошитель. Однако с таким положением дел не захотела мириться жена Томаса, Шарлотта. Она во что бы то ни стало решила выяснить, из-за чего убили Феттерса. И наткнулась на страшную тайну, способную подорвать устои британской монархии...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод на русский язык,
Сахацкий Г. В., 2014

© Издание на русском языке,

ISBN 978-5-699-90958-2 оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*Посвящается моим друзьям
Хью и Энни Пиннок*

Глава 1

Зал судебных заседаний в Олд-Бейли¹ был переполнен. Свободные места уже давно отсутствовали, и стоявшие у дверей судебные приставы больше не пускали людей внутрь. Было 18 апреля 1892 года, понедельник после Пасхи, день открытия лондонского светского сезона, а также третий день слушания дела заслуженного военного Джона Эдинета, обвинявшегося в убийстве Мартина Феттерса, коммивояжера и антиквара.

Томас Питт, суперинтендант полицейского управления на Боу-стрит, готовился дать свидетельские показания стороне обвинения, которую представлял прокурор Эрдал Джастер.

— Начнем сначала, мистер Питт, — произнес обвинитель.

Этот темноволосый, высокий и стройный мужчина лет сорока обладал необычной внешностью. Он был довольно привлекателен, и в то же время в его повадках сквозила кошачья грация.

Он бросил взгляд в сторону скамьи свидетелей.

— Почему вы оказались на Грейт-Корэм-стрит? Кто вас вызвал?

Томас немного приосанился. Он тоже был немаленького роста, но на этом его сходство с Джастером заканчивалось: полицейского отличали слишком длинные волосы, мятые брюки с оттопыренными карманами и неаккуратно повязанный галстук. Он давал свидетельские показания на про-

¹ Центральный уголовный суд в Лондоне.

тяжении двадцати лет, с тех пор когда был еще констеблем, но это занятие никогда не доставляло ему удовольствия, поскольку от его слов зависела репутация, а возможно, и свобода человека. В данном же случае от них зависела жизнь. Питт не боялся встретиться глазами с холодным, невозмутимым взглядом Эдинетта, сидевшего на скамье подсудимых. Он собирался говорить только правду и никоим образом не мог повлиять на последствия этого судебного заседания. Однако мысль об этом отнюдь не служила для суперинтенданта утешением.

В зале повисла гнетущая тишина. Ни единого звука. Ни единого шороха.

— Меня вызвал доктор Иббс, — ответил Питт на вопрос Джастера. — Некоторые обстоятельства смерти мистера Феттерса вызвали у него подозрение. Он работал со мною прежде, при проведении других расследований, и знает, что может положиться на меня в том случае, если допустит ошибку.

— Понятно. Не расскажете ли вы нам, что произошло после того, как вас вызвал доктор Иббс?

Джон Эдинетт сидел совершенно неподвижно. Он был худ, но крепко сложен, и на его лице лежала печать уверенности в себе и собственной значимости. Многие из присутствующих испытывали к нему симпатию и даже восхищались им. Они не верили, что этот человек мог совершить преступление, в коем его обвиняли. Это, вероятнее всего, была ошибка. Защита наверняка выступит с убедительным опровержением, и ему будут принесены глубочайшие извинения.

Питт сделал глубокий вдох и продолжил:

— Я немедленно отправился домой к мистеру Феттерсу на Грейт-Корэм-стрит. Это было в начале шестого. Доктор Иббс ждал меня в прихожей, и мы вместе с ним поднялись в библиотеку, где было обнаружено тело мистера Феттерса.

Он замолчал, отчетливо вспомнив, как поднимался по залитой лучами лестнице и шел мимо огромного китайского горшка с декоративным бамбуком, картин с изображением

птиц и цветов и четырех расписанных и украшенных резьбой деревянных дверей. Заходящее солнце освещало красноватым светом сквозь высокие окна турецкий ковер, стоявшие на полках книги с золотым тиснением на корешках и большие потертые кожаные кресла.

Заметив, что Эрдал намеревается поторопить его, свидетель стал рассказывать дальше:

— В дальнем углу лежало тело мужчины. Я стоял в дверях, и его голова и плечи были закрыты от меня одним из больших кожаных кресел. Доктор Иббс сказал мне, что дворцовому, который пытался оказать хозяину помощь, пришлось немного отодвинуть кресло в сторону...

С места поднялся Реджинальд Глив, адвокат подсудимого.

— Милорд, как может мистер Питт свидетельствовать о том, чего не видел? Разве кресло было сдвинуто у него на глазах?

На лице судьи появилось усталое выражение. Он уже предчувствовал, что это судебное заседание станет ареной ожесточенной схватки. Ни одна мелочь, какой бы несущественной она ни казалась, не останется без внимания.

Томас ощутил, как его лицо заливает краска негодования. Ему следовало быть осторожнее. Еще до начала заседания он дал себе слово не совершать ошибок, и все же, уже в самом начале, допустил огрех. Он занервничал, и на его ладонях выступил пот. Джастер сказал, что все зависит от него. Больше им просто не на кого было положиться.

Судья взглянул на Питта.

— Расскажите подробно, что вы видели, суперинтендант, пусть даже жюри присяжных что-то покажется не вполне понятным.

— Да, милорд.

В голосе свидетеля прозвучало напряжение, которое можно было принять за проявление гнева. Усилием воли он заставил себя вернуться к воспоминаниям об увиденном в библиотеке.

— Верхняя полка с книгами располагалась довольно высоко, и достать до нее с пола было невозможно. Для этой цели имелась небольшая лестница в несколько ступенек, на колесиках. Она лежала на боку, примерно в ярде от ног мистера Феттерса, и рядом с ней валялись на полу три книги — одна закрытая и две раскрытые, лежавшие страницами вниз. В каждой из раскрытых книг несколько страниц были загнуты.

Эта картина до сих пор стояла у него перед глазами.

— На полке оставалось пустое место, как раз для трех книг, — добавил полицейский.

— На основании всего этого вы сделали какие-либо заключения, которые побудили вас к проведению дальнейшего расследования? — спросил Джастер с самым невинным видом.

— Судя по всему, мистер Феттерс потянулся за книгой, потерял равновесие и упал с лестницы, — ответил Питт. — Доктор Иббс сказал мне, что у него на голове сбоку образовался синяк, а шея оказалась сломанной, и это послужило причиной смерти.

— Да, именно таковы его показания, — подтвердил обвинитель. — Это совпадает с вашими выводами?

— Поначалу я тоже так подумал...

По залу пробежал глухой ропот, в котором явственно ощущалась враждебность.

— Но затем, осмотрев место происшествия более тщательно, я заметил несколько небольших несоответствий, которые вызвали у меня некоторые сомнения и побудили к проведению дальнейшего расследования, — объявил Томас.

Черные брови Эрдала поползли вверх.

— Что это за несоответствия? Пожалуйста, изложите их детально, чтобы мы могли понять суть ваших заключений, мистер Питт.

Это было предостережением. Дело целиком и полностью основывалось на этих косвенных уликах. Несколько недель

расследования не выявили у Эдинетта какого-либо мотива причинять зло Мартину Феттерсу. Они были близкими друзьями, принадлежали к одному кругу и придерживались сходных убеждений. Оба они были состоятельны, много путешествовали и ратовали за социальные реформы. Они имели множество общих друзей и пользовались всеобщим уважением.

Суперинтендант неоднократно мысленно проговаривал все это — не для суда, а для себя. Он тщательно изучил каждую деталь, прежде чем предъявить обвинение.

— Во-первых, книги на полу, — начал он.

Томас вспомнил, как наклонился, поднял их и рассердился, увидев, что они повреждены.

— Одна из них представляла собой английский перевод «Илиады» Гомера, вторая — историю Османской империи, а третья была посвящена торговым маршрутам Ближнего Востока.

Джастер изобразил удивление.

— Я не понимаю, почему это вызвало у вас сомнения. Со-
благоволите объяснить.

— Потому, что остальные книги на полке принадлежали к художественной литературе, — сказал Питт. — Это были романы сэра Вальтера Скотта, Диккенса и Теккерея.

— А «Илиада», по-вашему, не принадлежит к художественной литературе?

— Книги на средней полке были посвящены различным темам, связанным с Древней Грецией, — пояснил полицейский. — В частности, Трое, раскопкам, предпринятым мистером Шлиманом, произведениям искусства и предметам, представляющим исторический интерес... Все, кроме трех томов Джейн Остин, место которым было скорее на верхней полке.

— Я хранил бы романы, особенно Джейн Остин, в более доступном месте, — заметил Джастер, слегка улыбнувшись и пожав плечами.

— Вряд ли, если вы уже прочитали их, — возразил Томас без тени улыбки, поскольку испытывал слишком сильное напряжение. — И если вы антиквар, проявляющий особый интерес к Древней Греции, то наверняка не станете хранить основную часть книг по этой тематике на средней полке, а три из них — среди романов.

— Не стану, — согласился прокурор. — Это представляется по меньшей мере странным, так как создает излишнее неудобство. Что же вы сделали, когда увидели эти книги?

— Более внимательно осмотрел тело мистера Феттерса и попросил дворецкого, который был одним из тех, кто обнаружил его, подробно рассказать о том, что произошло.

Питт взглянул на судью, словно спрашивая, должен ли он повторить рассказ дворецкого.

Председатель суда кивнул. Ричард Глив ссутулился и поджал губы, приготовившись слушать.

— Расскажите, если это относится к делу, — сказал судья.

— Дворецкий сообщил мне, что мистер Эдинетт вышел через входную дверь и отсутствовал десять минут или около того, а потом он услышал звонок в библиотеке, после чего направился туда. Подойдя к двери, дворецкий услышал крик и глухой удар, после чего, встревожившись, поспешил войти внутрь и увидел ноги мистера Феттерса, торчавшие из-за стоявшего в углу большого кожаного кресла. Он тут же бросился к нему, чтобы посмотреть, не получил ли тот травму. Я спросил его, перемещал ли он тело. Дворецкий ответил отрицательно, но сказал, что ему пришлось слегка отодвинуть кресло, чтобы добраться до него.

Присутствующие беспокойно зашевелились, и по залу пронесся шорох. Все это казалось крайне малозначительным. Ничто не свидетельствовало о насилии, тем более об убийстве.

Эдинетт пристально смотрел на Томаса, сдвинув брови и поджав губы.

Джастер колебался. Он чувствовал, что теряет поддержку жюри присяжных. Это было написано у него на лице. Факты имели значение, но еще более важное значение имела убежденность.

— Слегка, мистер Питт? — резко произнес он. — Что вы имеете в виду под «слегка»?

— Он был весьма точен: до края ковра — примерно одиннадцать дюймов. — Суперинтендант сделал паузу и продолжил, не дожидаясь нового вопроса Джастера: — Следовательно, оно находилось под неудобным для освещения углом — как со стороны окна, так и со стороны газового рожка — и слишком близко к стене, что тоже представляло неудобство. Это кресло преграждало доступ к значительной части книжных полок, где хранились туристические путеводители и книги по искусству, которыми, по словам дворецкого, мистер Феттерс часто пользовался.

С этими словами Томас посмотрел Эрдалу прямо в глаза.

— На этом основании я заключил, что кресло обычно стояло в другом месте, и, осмотрев ковер, обнаружил отпечатки его ножек, — закончил он и перевел дыхание. — Кроме того, на ворсе имелись слабые следы потертости, и когда я вновь взглянул на туфли мистера Феттерса, то увидел ворсинки в трещине на каблуке одной из них. Судя по всему, это были ворсинки ковра.

На этот раз ропот донесся со стороны скамьи присяжных. Реджинальд Глив еще больше поджал губы, но сейчас его лицо выражало скорее гнев и решимость, нежели страх.

Питт снова продолжил, не дожидаясь вопроса:

— По мнению доктора Иббса, мистер Феттерс слишком далеко наклонился, стоя на лестнице, потерял равновесие и упал, ударившись головой о книжные полки в углу. Удар оказался достаточно сильным, чтобы вызвать не только образование гематомы, но и перелом шейных позвонков, что и послужило причиной смерти. Я высказал предположение,

что ему нанесли удар, после чего он потерял сознание, а его падение с лестницы было инсценировано.

В первом ряду послышался шум. Прозвучал сдавленный женский возглас, а один из присяжных, нахмурившись, подался вперед.

Томас продолжал говорить с тем же выражением лица, однако он чувствовал, как внутри у него нарастает напряжение, а ладони все больше потеют.

— Книги, которыми он чаще всего пользовался, были сняты с полки и брошены на пол. На их место были поставлены книги с верхней полки, чтобы объяснить использование лестницы. Кресло было придвинуто ближе к углу, и тело оказалось наполовину скрытым за ним.

На лице Глива появилось саркастическое выражение. Он посмотрел на Питта, затем на Джастера и, наконец, перевел взгляд на присяжных. В нем пропадавал великий актер. Естественно, он заранее знал, что именно будет говорить суперинтендант полиции.

Прокурор пожал плечами.

— Кто же передвинул кресло? — спросил он. — Мистер Эдинетт уже ушел, и когда дворецкий вошел в комнату, там не было никого, кроме мистера Феттерса. Вы считаете, что дворецкий говорит неправду?

Отвечая на этот вопрос, свидетель старался еще тщательнее подбирать слова:

— Я считаю, что он говорит правду, не зная, что произошло в действительности.

Глив поднялся на ноги. Это был широкоплечий мужчина плотного телосложения.

— Милорд, мнение суперинтенданта по поводу правдивости дворецкого не имеет никакого отношения к делу и совершенно неуместно. Жюри имело возможность само заслушать показания дворецкого и решить, правдивы они или нет, является ли он честным человеком и может ли выступать в качестве свидетеля.

Джастер сдерживался с видимым трудом. Его щеки заливал румянец.

— Мистер Питт, не соблаговолите ли рассказать нам, что вы сделали после того, как у вас сформировалась столь необычная версия, не упоминая о причинах, поскольку это, похоже, раздражает моего достопочтенного друга? — обратился он к Томасу.

— Я осмотрел комнату в поисках каких-либо других свидетельств того, что могло произойти там, — ответил тот, воспроизведя в памяти картину увиденного в библиотеке. — На маленьком столике в дальнем углу лежал поднос и стоял бокал, наполовину наполненный портвейном. Я спросил дворецкого, когда ушел мистер Эдинетт, и тот ответил. Затем я попросил его переставить кресло в то положение, в котором оно находилось, когда он вошел, и как можно более точно воспроизвести все предпринятые им действия.

Питт сделал паузу. Ему вспомнился недоуменный вопрос в глазах дворецкого. Очевидно, по его мнению, это было проявлением неуважения по отношению к покойному. Тем не менее он с видимой неохотой подчинился. Его движения были неуклюжими и резкими — слуга старался не выказывать обуревавших его чувств.

— Я стоял за дверью, — продолжил полицейский. — Когда дворецкий должен был двинуться в обход кресла, чтобы посмотреть, что случилось с мистером Феттерсом, я вышел из комнаты, пересек холл и вошел в противоположную дверь.

Он замолчал, давая Эрдалу возможность отреагировать на его слова.

Все присяжные слушали его с большим вниманием. Они сидели не шевелясь и не спускали с него глаз.

— Дворецкий позвал вас? — уточнил прокурор, тоже тщательно подбирая слова.

— Не сразу, — ответил свидетель. — Я услышал его громко звучащий голос, а затем он, видимо, понял, что на-